

Листок календаря

„...МНЕ ГРЕЗИЛОСЬ МОРЕ“

(К столетию со дня рождения Александра Грина)

До мельчайших подробностей помню тот день, когда впервые оказался у дома, где жил Александр Грин. Улочка эта — в центре Кирова — бывшей Вятки — отсюда недалеко и река, которая была в то время скована крепким льдом. Двухэтажный деревянный домик, перед которым я остановился, притянул с магической силой. Вернее не сам дом, а мраморная табличка, сообщавшая о том, что здесь в течение ряда лет жил писатель Грин. Потом я каждый день ходил мимо гриновского дома на работу и всякий раз внимательно оглядывал его, может быть, в надежде, что мне раскроется какая-нибудь из тайн, оставленных этим удивительным писателем.

В городе ничего не напоминало о море. Я внимательно всматривался в воды реки — обычная вода, порой мутная от поднимавшегося из глубины ила. Неприметен и городок Слободской, где родился писатель, — тихий, до сих пор сохранивший строения, существовавшие и в пору Грина. Нет, не было ничего: ни занавесов рыбацких шхун, ни парусов, которые закрепили водную гладь, ни крепких парней в тельняшках... И было удивительно, что именно здесь, в Вятке, родился и вырос Александр Грин. Сюда он возвращался несколько раз, но кроме горестей и разочарований родная земля ничего не приносила. Отсюда его снова тянуло к морю...

В своей автобиографии Грин напишет о первом отъезде из Вятки: «Я долго видел на пристани в толпе

растерянное седобородое лицо отца. А мне грезились море, покрытое парусами».

Загадочный мир открывается нам со страниц гриновских книг. Необычные портовые города, смелые, мужественные люди, исключительные ситуации — все описано Грином ярко, образно, неповторимо.

Если не знать о жизни писателя, то можно подумать, что книги написаны человеком, живущим в радужных мечтах, видящим мир сквозь розовые стекла. Но если вновь и вновь вчитаться в гриновские произведения, нелегкая судьба писателя явственно предстанет перед нами. Признаюсь, удручающе я смотрел на «инвентарь» небольшой бани на станции Мураши близ Кирова, где некогда работал Александр Грин, спасаясь от голода. Известно, что под Феодосией, чтобы не умереть от нищеты, писатель стрелял перепелов из самодельного лука. В Херсоне, Ялте, Одессе, Баку, Севастополе — всюду его преследовала нищета. Даже став известным писателем, Грин продолжал бедствовать.

Летом 1924 года в ленинградской редакции «На бабке» Грин попросил аванс, сказав при этом:

— Мне нужно совсем немного, самую толику. На хлеб, на табак, на дорогу.

Константин Паустовский в предисловии к книге «Алые паруса» писал: «Самой потрясающей чертой в

биографии Грина, дающей нам величайшую веру в силу и чистоту человека, является то обстоятельство, что Грин, попавший на самое дно человеческого общества, сохранил благородство помыслов, свежесть воображения, веру в красоту человеческого духа и преклонение перед красотой земли. И, кроме того, он сохранил великую ценность — свою простую человеческую доброту и бескорыстие».

Каждый, кто хоть чуточку знает о Грине больше, чем пишется в обзорных статьях, без труда мог убедиться в том, что не только яркими красками, необычными ситуациями и острыми сюжетами сильна проза Александра Грина. Но и тонким психологическим чутьем, знанием конкретного пейзажа, острой наблюдательностью.

Обычно, когда говорят о широко известной гриновской повести «Алые паруса», прежде всего отмечают образы Ассоль и смелого капитана Грэя. А между тем не менее колоритны Лонгрен — матрос «Ориона», Меннерс — алчный торговец, Летка — матрос из команды Грэя. Более того — в чертах Лонгрена мы непременно узнаем черты самого писателя. Старый матрос — нелюди, много скитался, голодал, мастерил игрушки, которые потом пытался сбыть на рынке. Все это испытал и сам писатель. Меннерс — яркое олицетворение буржуазии: Грину не нужно было выдумывать своих героев — они

жили рядом. Не плодом фантазии стали и пейзажи. Позже Александр Грин признавался, что, описывая Зурбаган, он описывал Севастополь.

Принято считать, что Грин создавал только романтические произведения, посвященные морю, людям, отдавшим себя этой стихии. Но между тем немало и реалистических рассказов, написанных им на самую разную тему. С одним из них мне довелось познакомиться. «Слон и Москва» — так он называется. Рассказ Грина посвящен военной службе в царской армии. Он поражает своей правдивостью, точностью деталей, социальной значимостью.

И все же о море, о смелых и мужественных людях написано Грином гораздо больше. Долгое время его осуждали за оторванность от жизни, за авантюризм сюжетов произведений. Но глубоко был прав Паустовский, который заметил по этому поводу: «...авантюриный сюжет — только скорлупа для более глубокого содержания. Нужно быть слепым, чтобы не видеть в книгах Грина любви к человеку».

Готовясь написать эту заметку, я снова и снова вспоминал дом в Кирове, где когда-то жил Грин. Он утопает в листве раскидистых кленов. Стены его потемнели от солнца и ветра. В канун гриновского столетия в этом доме открывается музей...

Владимир ПУ.

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. Вятская земля — родина Александра Степановича Грина. Здесь прошли его детские годы, сюда он не раз возвращался из своих странствий.

Земляки Грина по праву гордятся писателем, автором около 500 прозаических и более 100 поэтических про-

изведений. Известность А. С. Грина растет, его книги читают теперь по всем мире.

К 100-летию со дня рождения А. С. Грина в городе Кирове открывается мемориальный музей писателя.

НА СНИМКЕ: город Слободской — дом, в котором родился писатель А. С. Грин.